

*Вячеславу Умановскому
с благодарностью за долгие годы дружбы*

— Чья это свинья?! Граждане! Господа! Товарищи! Чья свинья?! Кто её привёл?

— ...Где, где свинья?

— Батюшки светы, и правда!

— Уберите свинью от прилавка!

Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Мария Алексеевна Поливанова, — протиснулась поближе, очень заинтересованная свиньёй.

Небольшая толпа возле колбасного отдела волновалась, все заглядывали себе под ноги, шарахались и возмущались. Какой-то мальчишка попятился и чуть не упал.

— Кш! Кш!.. Пошла вон!

Полная дама в шляпке ввинтилась в толпу и спросила с жаром:

— Соловья поймали?

— Какого соловья! Свинья забежала!

Маня заподозрила неладное, присела на корточки и заглянула под прилавок.

...Так и есть!

— Волька! Ну-ка вылезай оттуда! Сейчас же!

Небольшая белая свинка хрюкнула, наострила уши, припала на передние ноги, поползла, выбралась на свет и оказалась собакой.

— Господи, — сказал кто-то из зрителей с весёлым изумлением.

— Вот уродство!

Маня покраснела и потащила Вольку за поводок.

— Это порода называется мини-бультерьер, — объяснила она невесть зачем и невесть кому. — Английская собака, в Оксфорде пользуется большой популярностью...

— Женщина, выйдите! — пронзительно приказала продавщица. — Вы что, слепая? На входе русскими буквами написано — с собаками нельзя!

— Мы уходим, уходим!

Маня вытащила слабо упирающегося Вольку на улицу и накинулась на него с упрёками.

Волька слушал. Длинная морда, и впрямь немного похожая на свиное рыло, выражала неискреннее раскаяние.

Вскоре Мане надоело ругаться, она затолкала в рюкзак покупки, взгромоздила его на плечи и широко зашагала по Невскому в сторону Мойки.

Мини-бультерьер, английская собака, популярная в Оксфорде, бодро трусил за ней.

... Вообще-то в Питере собакам и их хозяевам было намного вольготней, чем в Москве. Конечно, с ними никуда нельзя, им всё запрещено, как и везде, но это официально. А неофициально — питерцы против собак не возражали, а поэтому всё можно!..

Просто сегодня Волька на самом деле вёл себя как свинья!

Народу на Невском было полно — весёлые толпы празднующихся туристов. На мосту кричали зазывалы, приглашали кататься на теплоходах и катерах, лоточники торговали пластмассовыми Винни-Пухами, китайскими веерами и морскими картузами, экскурсия, прикрывая глаза ладонями от солнца, смотрела в сторону кафе «Вольф и Беранже».

И жара!..

Маня вздохнула.

Какая красота! Поехать бы сейчас в парк на Елагин остров. Туда тоже с собаками нельзя — с ними никуда нельзя, но можно! — и есть один вход, где никогда не бывает

сторожа. Провести Вольку контрабандой, а там — гуляй не хочу!..

Но гулять Маня не могла, хоть и хотела.

Она должна помогать тётке Эмилии. За этим и приехала в Питер.

Маня с Волькой свернули на набережную Мойки, где было совсем тесно от людей и машин, и почти не видно речку, сплошь утыканную катерами и лодками, словно брошенный цветной ящик окурками, промаршировали мимо пышечной — решено было худеть, и никаких пышек, только стебель сельдерея, молодой редис и бобовые — и вскоре оказались во дворе старинного трёхэтажного дома.

Маня посмотрела на часы.

Десять сорок пять. Ровно в одиннадцать тётя Эмилия начинает приём, а Маня запаздывает с завтраком. Сейчас ей достанется!

— Мария! — воскликнула Эмилия, как только Маня, отдуваясь, распахнула дверь. — Где ты была?! Я уже подумала было, что ты отправилась на пароходе в Гельсингфорс!

— Какой ещё Гельсингфорс? — под нос себе пробормотала Маня, скидывая кроссовки. — Мы были на Невском в Елисейском магазине, тётя. Там очередь.

— Если ты будешь так себя вести, мне придётся написать Вике и отправить тебя обратно в Москву!

Викой звали ещё одну Манину тётю, которая приходилась сестрой Эмилии.

Маня освободила Вольку от поводка, тот встряхнулся, и неторопливой рысцой побежал в сторону кухни. Тётя Эмилия посторонилась.

— Что за ужас эта собака, — сказала она в сотый раз. — Зачем ты её завела? Кто тебе разрешил?

Эмилия обращалась с Маней так, словно племяннице было двенадцать лет и она вступала в сложный переходный возраст. На самом деле Мане давным-давно исполнилось тридцать пять, она писала романы, которые — вот чудо! —

издавали и читали, подрабатывала на радио, давала интервью, состояла в жюри разнообразных конкурсов и фестивалей и считалась главой семьи, состоящей из двух тётушек, Маниного кавалера Алекса Шан-Гирея и самой Мани.

— Я сварю яйцо и сделаю бутерброды, — объявила Маня из кухни. — Иначе не успеем. Я лучше обед пораньше подам.

Эмилия присела на краешек стула с высокой спинкой. В кухне у неё была тяжелая, старинная, очень красивая и страшно неудобная мебель.

— Ты никогда ничего не успеваешь, Мария. Ты очень неорганизованная. Вся в мать. Та была точно такая же.

Маниных родителей давным-давно не было на свете, но упоминаний о них Маня не выносила — ей сразу становилось ужасно жалко себя, сироту, и она начинала сердиться на мать и отца, бросивших её на произвол судьбы.

Это было несправедливо — они не собирались её бросать, просто самолёт упал, — и Маня ещё чувствовала себя виноватой, что сердится и что тогда не летела с ними...

Такой вот клубок. Лучше не думать.

— Тебе яйцо всмятку или в мешочек, тётя?

— Какая разница. Всмятку, конечно. Нет, в мешочек.

— Хорошо.

— Нет, вкрутую! И свежий огурец. И кусочек колбаски.

Ты принесла?

— Всё принесла, тётя.

— Опять чай! Терпеть не могу! Свари кофе.

— Тебе нельзя, у тебя давление.

— Можно подумать, нельзя найти кофе без кофеина!

Давно бы купила!

— Я куплю, тётя.

Эмилия отхлебнула из чашки.

— Едим на кухне, — горько заметила она. — Как прислуга!

Маня покосилась на неё.

— В гостиной у тебя приём. Там никак нельзя...

— У меня сегодня большой приём, — объявила Эмилия с удовольствием. — Почти все постоянные. Я прошу тебя, Мария, всё записывай внимательно, ничего не перепутай! И запри, бога ради, эту собаку! В прошлый раз у неё так бурчало в животе, что я не могла сосредоточиться!

— Должно быть, это у меня бурчало, — сказала Маня, наливая чаю и себе. — С голоду.

Эмилия пропустила замечание мимо ушей.

— Что твой Алекс? Как он?

— Прекрасно, — сказала Маня бодро. — Пишет роман.

— Вот он... — Эмилия подняла указательный палец, словно указывая на потолок. Маня послушно посмотрела. Потолок был очень высокий и немного закопчённый.

— Вот Алекс, — повторила тётя Эмилия, чтоб стало ясно, что речь она ведёт не о потолке, — на самом деле писатель, Мария. Его «Запах вечности» можно перечитывать бесконечно! А чем ты занимаешься — непонятно.

— Я пишу детективы, — сообщила Маня. — Алекс пишет большую прозу, а я детективы. Их тоже многие читают и перечитывают!

Эмилия пожала плечами.

— Ты живёшь рядом с Алексом Шан-Гиреем и *тоже пишешь*. Всё равно что Софья Андреевна Толстая взялась бы за сочинительство и они со Львом Николаевичем писали бы наперегонки в соседних комнатах.

Маня засмеялась — представила картинку.

— Доедай и за работу, — распорядилась Эмилия. — Кто у нас первый?

Маня вытерла о джинсы пальцы, распахнула ноутбук, при-
мостившийся на старинном буфете, и посмотрела таблицу.

— Ольга Александровна Ветрова с дочерью.

Эмилия покивала, лицо у неё стало серьёзным.

— Сложный случай, — сказала она. — Очень сложный. Давно над ним работаю, но пока... безуспешно.

Маня уже видела эту самую Ольгу Александровну — высокая худая блондинка с тонким, бледным, невыразительным лицом. Она приводила дочь, усаживалась в передней на банкетку и ждала, неподвижная, как сфинкс, охраняющий Неву. Маня выглядывала, чтоб посмотреть на неё: Ольга Александровна не шевелилась, не читала и не копалась в телефоне.

Просто сидела и ждала.

Мать с дочерью явились минута в минуту. Прозвенел звонок, Маня распахнула дверь.

— Здравствуйте, — промолвила Ольга Александровна. — Марфа, поздоровайся.

Девочка пробормотала невнятное.

Маня проводила их в гостиную, где были задёрнуты шторы, повсюду горели свечи и курились благовония. Эмилия, облачённая в восточные одежды, сидела в широком кресле, второе такое же стояло напротив — для посетителей.

Место секретаря — в данном случае Манино — было далеко, почти в эркере. Если чуть-чуть подвинуть тяжёлую ткань шторы, можно увидеть улицу и кусочек неба.

— Проходи, проходи, милая, — приветливо заговорила Эмилия, завидев Марфу. — Вот твои карандаши и альбом, помнишь, мы с тобой в прошлый раз рисовали?..

Мать усадила девочку и вышла. Марфа не обратила на неё никакого внимания.

Маня ждала у двери.

В её задачу входило принять посетителя, устроить сопровождающего, если таковой имелся, предложить чаю или кофе, затем потихоньку, через кабинет, незаметно вернуться в гостиную, на секретарское место и записывать всё, что она видит и слышит, в специальную таблицу.

Ольга Александровна привычно опустила на банкетку, положила сумку на колени и замерла — приготовилась ждать.

Маня вздохнула.

— Хотите чаю? Или кофе? Есть минеральная вода и лёд!
Будете?

— Нет, спасибо.

— Я могу бутербродов сделать.

— Спасибо, нет.

Маня опять вздохнула, прошла через кабинет и неслышно возникла в гостиной, где шёл сеанс.

Сильно пахло благовониями. Подле Марфы горел торшер, на коленях у девочки лежал альбом, она водила карандашом, вроде бы рисовала. Эмилия что-то говорила, очень тихо, не разобрать. Раскрытую ладонь правой руки она держала над курильницей и время от времени касалась ею макушки девочки.

Маня отвела глаза. Ей было невыносимо стыдно.

Тётя Эмилия работала — или как это правильно сказать? Служила, что ли?.. — экстрасенсом очень высокой пробы. Очень большой силы, что ли?..

Тётя обладала провидческим и целительским даром, проводила сеансы, гадала на идзине, Книге перемен, бросаая стебли тысячелистника, а иногда на картах таро.

К ней обращались не только отчаявшиеся бедолаги вроде Ольги Александровны, но и большие люди, нуждающиеся в советах «по бизнесу», политики, желающие узнать будущее и обратить его в свою пользу, жены, разыскивающие утраченных мужей, наследники, алкающие припрятанных дедовских сокровищ. Эмилию знал весь Петербург, также к ней ехали из Москвы, из-за Уральских гор, даже из-за океана — последний толстосум как раз прибыл из Нью-Йорка и желал знать, что ждёт его бизнес после пандемии. Кажется, он владел покер-клубом.

Эмилия провидела будущее, заглядывала в прошлое и делала предсказания в духе Дельфийского оракула — ничего определённого, истолковать можно как угодно, в любую сторону. По крайней мере, так казалось племяннице.

Дело в том, что Маня Поливанова — известная писательница Марина Покровская — не верила в предсказания, пророчества и гороскопы. Даже Книга перемен вызывала у неё сомнения! Ну, что тут поделаешь!..

Впрочем, в случае с тётёй Эмилией Маня рисковала остаться в полном одиночестве — поток посетителей увеличивался чуть ли не с каждый днём, приходилось записывать на полтора месяца вперёд, помощница не справлялась! Маню вызвали из Москвы на помощь, когда тётиной секретарше понадобилось вернуться на родину в Винницу, где у неё заболел кто-то из родных. Посторонних привлекать не стали, и Маня была брошена на прорыв. Она как раз только что сдала в издательство роман и собиралась славно отдохнуть. Тёти переговорили по телефону, пришли к выводу, что лучший отдых — это смена деятельности, и велели Мане собирать чемодан и отправляться.

Маня была взрослой, умной, самостоятельной, кроме того — популярной писательницей и вообще главой семьи. Но спорить с тётушками себе дороже, да и, честно признаться, Маня нуждалась не просто в отдыхе.

В последнее время она так устала от Алекса, гениального, тонкого, умного, занятого только собой и своими текстами, рассеянного, странного, волшебного, что ей потребовался перерыв. Занятия тёти Эмилиии раздражали её донельзя, и она от души бесилась, выдавая свою усталость и раздражение от жизни с Алексом за неприятие тётиных упражнений.

Так проще, и не нужно вдаваться в собственные проблемы.

Не спросив Алекса, Маня завела мини-бультерьера, по слухам, очень популярного среди оксфордских профессоров и студентов, назвала его Вольдемаром, купила ему голубой ошейник Tiffany за бешеные деньги и дорогущую фарфоровую посуду, на что ни Алекс, ни Вольдемар не обратили никакого внимания.

Алекс, обнаружив в спальне щенка, пожал плечами и спросил, почему он так похож на поросёнка.

Волька, обнаружив в спальне Алекса, равнодушно его обнюхал и с тех пор перестал замечать.

Маня поняла, что демарш не удался.

— Между прочим, его нос очень похож на твой, — предприняла она последнюю попытку. — Видишь? Как у настоящего грузина! Или грека! И потом! Это охранный собака! Он будет меня охранять!

— Тебе угрожает опасность? — рассеянно осведомился Алекс, и больше к разговору о бультерьере они не возвращались.

...Маня почти задремала. Эмилия всё что-то бормотала, девочка водила рукой с карандашом, благовония курились, в комнате становилось душно. Окно открыть нельзя — аура! Кроме того, в окно могут ворваться неправильные звуки и колебания и спровоцировать выброс ненужной энергии.

— Мария!

Маня вздрогнула и вытаращила глаза.

— Мария, проводи Марфу к матери.

Маня выбралась из-за небольшого секретера — сидеть там с ее ростом было страшно неудобно, некуда девать ноги и бюст, — и взяла Марфу за руку.

Рука была тонкой, холодной и влажной, как лягушачья лапа.

— Ольга Александровна, — заговорила вышедшая следом Эмилия, — сегодня у нас особый день. — На слове «особый» она понизила голос. — День начала перемен.

Ольга Александровна безучастно посмотрела на прощательницу.

— Да, да, — подтвердила та. — Пусть Марфуша останется у меня до вечера. Мария за ней присмотрит. Она порисует рядом со мной, за ширмой. Мне очень важно не потерять с ней контакт именно сегодня. Приходите к пяти часам.